

Анна Радун

М. Муравьев и М. Катков в оптике польской прессы 2-ой половины XIX в. : на основании корпуса архивных материалов 2-ой газетной экспедиции мид и "пшеглонда польского"

Przegląd Wschodnioeuropejski 2, 109-119

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Анна Радун

Государственная академия славянской культуры, Москва

М. МУРАВЬЕВ И М. КАТКОВ В ОПТИКЕ ПОЛЬСКОЙ ПРЕССЫ 2-ОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. (НА ОСНОВАНИИ КОРПУСА АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ 2-ОЙ ГАЗЕТНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ МИД И «ПШЕГЛОНДА ПОЛЬСКОГО»)

«В России существует только царизм и православие»¹.

«Такая-то уже натура польских газет, что они не симпатизируют с правдой»².

(Из архивных документов 2-ой газетной экспедиции
МИД Российской Империи)

Значительный интерес для выяснения генезиса формирования негативного стереотипа России в польском общественном сознании XIX века представляет отношение польской консервативной и либерально-демократической периодической печати к правительству Российской империи, к ее государственным и общественным деятелям. Деятельность таких людей, как А. М. Горчаков, Д. А. Милютин, Ф. Ф. Берг подвергалась острой критике. Особая неприязнь польская пресса испытывала к М. Н. Муравьеву и М. Н. Каткову. Острой критике подвергалось каждое слово этих двух видных представителей своего времени. Насколько их действия ценило российское правительство, настолько их не любили поляки. В польской прессе упоминания этих двух фамилий, по сравнению с другими государственными деятелями, мы встречаем чаще всего. Каждый шаг российского правительства, в котором поляки видели насильственную политику «москализации», объяснялся через общественно-политическую активность Муравьева, получившего в народе прозвище «вешатель» и публициста Каткова, называемого в польской прессе «мракобесом». Эти два человека стали в определенной, если не в решающей мере основой формирования

¹ „Przeгляд Polski” 1875, t. 155, s. 387.

² Цит. По: АВПРИ, Ф. 139, Оп. 476, д. 440, 1905–1906. Л. 7.

негативного образа России и русских в польской прессе. Все отрицательные черты, присущие «москалю», концентрировались именно в персонах Муравьева и Каткова.

В данной статье мы попробуем объяснить причины формирования крайне негативного образа вышеупомянутых деятелей, а также реакцию самого Каткова на негативные высказывания в польской прессе о нем, отраженную на страницах газеты «Московские ведомости», главным редактором которой он являлся. Основной корпус данной статьи основан на материалах Фонда «2-ая газетная экспедиция» Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), а именно на ежедневного отчета польской прессы, издававшейся за пределами Российской Империи (Царства Польского). Как известно, русская цензура запрещала выход в печать периодических изданий (в законах XIX века используется термин «повременная печать») с информацией антигосударственного, антиправославного характера³. Следовательно, российское правительство проявляло повышенный интерес к польской прессе, выходившей за рубежом, для лучшего осознания отношения к России. Вторая газетная экспедиция входила в состав Канцелярии министра иностранных дел. Помимо нее в состав канцелярии входила 1-ая циферная экспедиция (с 1862 года)⁴. Существовала еще одна газетная экспедиция – Пятая – при Департаменте внешних сношений МИД. В ведении этой экспедиции было свое отделение, занимавшееся изданием на французском языке правительственной газеты *Journal de St Petersburg*. Причем данная экспедиция содержалась на средства от продажи газеты. Мы же опирались на отчеты 2-ой газетной экспедиции. Отчеты по польской прессе представлены, по вполне понятным причинам, с 1863 года. Немаловажно, что дипломаты, составлявшие данные отчеты, не давали комментариев к антироссийским статьям. Лишь изредка мы находим карандашные отметки на полях синего или красного цвета рядом с фальсифицированными, по мнению читателя, сведениями о действиях российского правительства. В то же время, на некоторых листах стоят штампы «Просмотрено Александром II». Можно сделать вывод, что Правительство проявляло неподдельный интерес к образу России и русских в польской прессе того времени еще в XIX веке, ведь именно пресса в то время была «рупором» общественного мнения и политическое настроение интеллектуальной польской элиты. Нельзя утверждать, что дипломаты были политически ангажированы в выборе только негативных статей из польской прессы

³ Устав о цензуре и печати//Свод законов России Российской Империи, т. XIV, СПб., 1886.

⁴ Высшие и центральные государственные учреждения России 1901–1917, т. 4, СПб.: «Наука», 2004. 314 с.

– даже положительные статьи о России вызывали в польской периодической печати всплеск комментариев и критики, что и показывали в своих отчетах дипломаты. Недостатком данной статьи является небольшое количество первоисточников (польских периодических газет и изданий), что компенсируется впервые публикуемыми отчетами русских дипломатов по польской прессе и реакцией «Московских ведомостей» (непосредственно ее редактора М.Н. Каткова) на критику его деятельности в польской прессе. Темой для отдельного исследования может стать рассмотрение полемики того времени в периодической печати по так называемому «польскому вопросу».

Образ России и русских в польской прессе второй половины 19 в. вызывал живой интерес у российских изданий («Русский инвалид», «Московские ведомости» и др.). Польские периодические издания, выходившие как в эмиграции, так и на территории Пруссии и Австро-Венгрии, в основном критиковали российское правительство и негативно отзывались о действиях России в Царстве Польском, в связи с чем следовала незамедлительная реакция российских газет. Для подробного анализа данного вопроса мы опирались на материалы из газеты «Московские ведомости» – одного из самых авторитетных изданий того времени, уделявшего повышенное внимание актуальному в то время «польскому вопросу». Пост главного редактора с 1862 по 1887 г. занимал М.Н. Катков (1818–1887)* – выдающийся публицист, редактор, общественный деятель монархического направления в Российской империи. Вклад М.Каткова в полемику с польской прессой, в критику антирусских статей незауряден. Газета «Московские ведомости» оказала информационное «сопротивление» польским повстанцам и их статьям в периодической печати, отражавшей их позиции, в том числе анти-русские. Сам Катков писал о Муравьеве следующее:

Заслуги М.Н. Муравьева состоят не только в том, что он сломил мятеж, но еще более в том, что он нанес могущественнейший удар коренному злу, которым страдал этот край и которое было источником его бедствий. Задача правительства в западном крае очень тяжела: содействовать торжеству русского начала там, где почти все высшее и образованное общество состоит из людей причисляющих себя к чуждой и притом неприязненной национальности⁵.

* До этого (1850 по 1855 г.) М. Н. Катков занимал пост редактора этой газеты.

⁵ „Московские ведомости” 1864, № 54.

Анализируя данное высказывание Каткова, можно понять, почему польская пресса так остро воспринимала фигуру Каткова и Муравьева. В России действия наместника в Западном Крае расценивались как полезные Российской империи, как утверждение политики Российской империи в этом регионе. Естественно, подобные мнения наталкивались на острую критику польских изданий как ярко выраженные антипольские. Особый след в польской истории оставил Муравьев, получивший прозвище «Вешатель». За три года, проведенных на посту губернатора Привислинского края (1863–1865 гг.), Муравьев старался как можно больше «русифицировать» край. Так, он не считал поляков отдельной нацией⁶. Польские журналисты обвиняли Муравьева в бескомпромиссности, враждебных в отношении поляков высказываниях. По заявлению Муравьева «в виде нации не существовала в наших западных губерниях»⁷. Именно эти воспоминания Муравьева были позднее переведены и опубликованы на польском языке. Подобным образом польская пресса воспринимала общественно-политического деятеля – Каткова. Внимание исследователей и журналистов того времени (как и современных польских исследователей) неразрывно связано с репрессивными акциями Муравьева. Так, действиям Муравьева в отношении униатов посвящена не одна книга (к примеру, известная «Черная книга»). По мнению российского ученого М.Б. Долбилова, «весь пафос политики Муравьева в Литве и Белоруссии заключался в воссоздании единого имперского пространства поверх этноконфессиональных различий, в демонстрации прочности и неделимости империи перед Западной Европой»⁸.

Но уже в 1868 г. мы встречаем такое высказывание Каткова о Муравьеве: „Польский патриотизм есть явление искусственное, фальшивое и болезненное. Дело в том, что польской национальности не достаёт народа... Читатели знают, что мы никогда не были безусловными поклонниками всех мер, принятых графом Муравьевым“⁹.

В польской публицистике второй половины XIX в. Муравьеву приписывали «зверскую натуру», для акцентирования его «преступлений» по отношению к польскому народу журналисты оперировали статьями из российских газет. «Дзенник Познаньский» «берет в долг у русской прессы

⁶ Более подробно о «литовском» периоде Муравьева см. М.Д. Долбилов. М.Н. Муравьев и проблема консервативно-бюрократического реформаторства // Отечественная история, 2002, №6, с. 67–90.

⁷ „Русская старина” 1883, №2, с. 295.

⁸ М. Д. Долбилов. М. Н. Муравьев и проблема консервативно-бюрократического реформаторства // Отечественная история, 2002, №6, с. 67–90.

⁹ „Московские ведомости” 1868, № 266.

статьи с оттенком враждебности»¹⁰. «Ойчизна» поднимается против всякого политического посредничества между Польшей и Россией. Даже его жену называет «мадам-вешательница»¹¹.

Часто политику Муравьева в отношении униатов и католиков сравнивали с положением христиан первых веков христианства. «Час» публикует указ Генерала Муравьева в отношении католичества в Литве. Этот указ напоминает газете указы римских императоров первых веков христианства¹².

Российская пресса оперативно реагировала на негативный образ Муравьева в польской прессе. Так, в газете «Московские ведомости» мы встречаем следующее высказывание М. Каткова: «Недоброжелательные к России публицисты видят во всех действиях генерала Муравьева только намерение подавить польскую национальность, но мы, Русские, не можем не чувствовать в нем человека, положившего теми мерами, которые были ему сподручны, начало возрождению русской народности, до того времени забитой и загнанной в западном крае России, начало вступления ее в законно-принадлежащие ей права»¹³.

В эмигрантской печати того времени, как например в газете «Неподлеглоść» («Niepodległość») доказывалось, что русские газеты старались оклеветать и очернить незаконное польское правительство, образованное после восстания 1863 г., и печатали на своих страницах списки лиц убитых и повешенных, большинство которых умерли от рук русского солдата. «С самого начала восстания Москва – отчизна Муравьева, неистощимая в изыскании новых насилий и жестокостей, Москва, не из чувства стыда, а для обмана общественного мнения в Европе, старается везде, где может, распространить убеждение, что ее жестокости, разбой и опустошения уравниваются злоупотреблением отрядов повстанцев»¹⁴.

В 1867 г. польская пресса восприняла смерть графа Муравьева и болезнь статс-секретаря Милютина как «проявление очевидного покровительства, оказываемого Польше самим Провидением, а воздаяние непоколебимой твердости и христианским добродетелям «нации-мученицы»¹⁵.

В 1875 г. в «Пшеглонде польском» выходит статья о политических деятелях в России Л. Повидая¹⁶, одного из идеологов краковской партии

¹⁰ См. документы.

¹¹ АВПРИ, Ф. 139, Оп. 476, д. 148, 1865. Л. 75.

¹² АВПРИ, Ф. 139, Оп. 476, д. 132, 1864. Л. 13.

¹³ „Московские ведомости” 1865, № 94.

¹⁴ „Московские ведомости” 1863, № 206.

¹⁵ „Московские ведомости” 1867, № 5.

¹⁶ „Przegląd Polski” 1875, № 4–6.

станьчиков, в которой автор рассматривает основных политических деятелей России, основываясь на немецкой работе «*О петербургском обществе*». Интересно, что автор не указывает выходных данных изданного на немецком языке произведения, а лишь подкрепляет свои пейоративные мысли о России позицией анонимного немецкого автора.

В 1874 г. в этом же журнале появляется статья Г. Лисицкого «Записки россиянина о польских заговорах»¹⁷, основанная на книге «Записки Н.В. Берга о польских заговорах и возстаниях» (Москва, 1873). Автор записок – профессор Варшавского университета, переводчик «Пана Тадеуша» на русский язык, связывает Польшу с образом бунтовщика, которому присущи постоянные заговоры, восстания и борьба против России. Поляков в книге Берга интересовала политическая концепция управления Польшей, «ставшей для Москвы костью в горле и бельмом в глазу»¹⁸. Лисицкий задается вполне правомерным вопросом к российским политическим деятелям о том, что они сделали для компромисса и примирения Польши и России и как будут развиваться в будущем польско-российские отношения, если обе стороны будут находиться в конфронтации.

Интересно, что в эмиграции появилась знаковая книга-памфлет К.Островского на 26 страницах «Два проклятия: Муравьев II и Александр II», изданная в Париже в 1867 г.¹⁹ Это художественное произведение, написанное невыверенным стихотворным размером. Автор на каждой из строк обвиняет Муравьева во всех польских бедах, акцентирует в его образе присущий русским внешний вид: «Он был настоящим монголом, сплюснутый нос, а надо лбом – рыжие волосы...»²⁰.

В 1883 г. в журнале «Пшеглонд Польский»²¹ в свет выходит перевод на польский язык воспоминаний М.Муравьева (нам известны также издания 1896, 1902 г.) 1863-1865 гг., написанных им в 1866 г. Эти публикации представляют особый интерес. Изданы они были в Кракове консервативной партией – предисловие к изданию на польском языке написал один из идеологов партии станьчиков С. Тарновский. По его словам, «издавая воспоминания Муравьева, они тем самым оказывают услугу польской общественности. На каждой странице читатель найдет выражения, дышащие ненавистью ко всему, что польское, что для поляка свято»²². В предисловии переводчика указывается, что ни в коем случае воспоминания Муравьева не будут подвергнуты критическому анализу, они

¹⁷ „Przegląd Polski” 1874, № 7–12, s. 72–84.

¹⁸ „Przegląd Polski” 1874, № 7–12, s. 84.

¹⁹ Dwa przekleństwa Murawiew II. Aleksander II. Paryż, 1867.

²⁰ Dwa przekleństwa Murawiew II. Aleksander II. Paryż, 1867, c. 7

²¹ „Przegląd Polski” 1883, № 4–6.

²² Dwa przekleństwa Murawiew II. Aleksander II. Paryż, 1867, c. 5

представлены на суд зрителя такими, какими они есть. (Интересно в отдельном исследовании сравнить, отличается ли русский оригинал от польского перевода).

С.Тарновский, оперируя философскими воззрениями Ю. Словацкого об иерархии духов, называет Муравьева «российский Король-Дух»²³. Больше всего Тарновского удивляет в Муравьеве то, что он не осознавал тяжесть своих преступлений по отношению к польскому народу в Литве. Муравьев был убежден, что делает благое для Отечества дело. «Муравьев на руках своих пятен крови не видит»²⁴. Правительство Российской империи не противодействовало Муравьеву в его действиях – в этом издатель видит согласие с его политическим курсом в отношении к полякам. Тем самым, мы видим импликацию в образе Муравьева политики Российской империи, ввиду чего вырабатывался негативный образ России в целом – каждый шаг Муравьева воспринимался как насильственная москализация и противодействие польскому элементу российской государственности.

В рецензии Юзефа Шуйского на польский перевод двух трагедий А. К. Толстого («Смерть Иоанна Грозного», «Федор Иоаннович») говорится о том, что обществу, выходящему из зоны кризиса, Бог может простить терпимость к Ивану Грозному, но обществу, стремящемуся к цивилизованности, Бог не простит повсеместного принятия произведений Каткова.

В связи с влиянием мыслей Каткова на польскую и русскую общественность, в «Пшеглонде Польским»²⁵ появился критический отзыв на брошюру одного из членов правительства Царства Польского, выпущенную в Дрездене в 1872 году²⁶. Критик, подписавшийся просто J. K., упрекает автора в том, что он попал под влияние мыслей Каткова, потому что предлагает панславистскую идею организации славянских государств.

Владимир Каровский, один из авторов журнала «Пшеглонд Польский», обвиняет в этом обостренном, шовинистически окрашенном патриотизме именно славянофилов, в частности М. Каткова и И. Аксакова (статья «От славянофильства к паназиатизму»²⁷). Интересно отметить то, что этим же автором написана книга «Политическая этика в России», где им критикуется политическая культура Российской империи.

²³ Pamiętniki hr. Michała Mikołajewicza Murawiewa („Wieszatela”) (1863–1865) pisane w r. 1866. Kraków 1896.

²⁴ Pamiętniki hr. Michała Mikołajewicza Murawiewa („Wieszatela”) (1863–1865) pisane w r. 1866. Kraków 1896, с. 11.

²⁵ „Przegląd Polski” 1882, № 10–12, s. 254.

²⁶ Polska a Rosja w roku 1872 przez byłego członka Rady stanu Królestwa Polskiego. Dresden 1872.

²⁷ „Przegląd Polski” 1900, r. 35, s. 193–219.

В газете «Ойчизна» за 1864 г. мы встречаем заметку, где сказано следующее (автор не указан): «у московитских писателей выработался своеобразный язык, наполненный ненавистью, гневом и ложью. Эти слова не станут повторят полякам, так как это будет очередная московская атака против католической церкви. Таков язык вешателя (Муравьева), Каткова, Московии. Люди, говорящие на этом языке, никогда не перестанут быть завоевателями»²⁸.

Судя по периодической печати, польские журналисты были хорошо знакомы с газетой «Московские ведомости», выбирая подчас статьи из нее. 6 сентября 1863 г. в Варшаве стала выходить газета под названием «Вядомости Политичне» («Wiadomości Polityczne»). В этой газете была приведена выдержка из «Московских ведомостей», отредактированная до искажения смысла, что вызвало резкую отповедь москвичей:

«...Те слова нашей статьи, которые выпущены подземной газеткой²⁹, мы печатаем курсивом. «Ничтожество элементов поддерживающих мятеж в Царстве Польском не подлежит сомнению. С ними легче справиться, чем с литовским восстанием, которое *(опиралось на Царство и)* почерпало силы в энергии литовских поляков. *(Этой энергии)*, как всем известно, *(вовсе не имеют)* Поляки Царства Польского, *(которые)* славятся *(между своими литовскими соплеменниками)* только хвастливостью и вздором. Между тем революция подавлена в Литве с меньшими *(военными)* силами *(чем те, которые находятся в распоряжении варшавского правительства и, прибавили, с меньшим кровопролитием и даже с меньшими казнями, и всем этим Литва обязана тому, что)* генерал Муравьев *(захотел)* сумел освободить ее от террора. Он не побоялся криков клеветников; он не оробел и пред угрозами, что *(действуя согласно своему долгу перед Государем и Отечеством)*, он навлечет проклятие на свое имя и европейскую войну на Россию. Неужели *(и теперь, после того, как блистательно оправдалась политика генерала Муравьева)*, варшавская автономия не подчинится ей? Неужели тамошняя администрация будет ждать той минуты, когда придется бомбардировать Варшаву? *(Красным это может быть желательно, но этого не может желать ни Россия, ни Польша, и этого, конечно, не одобрят европейские миротворцы)*»³⁰.

В польской прессе часто появлялись статьи с провокационными заголовками, как, например, в «Газете Народовой»: «Внутреннее устройство России: господин Катков – политический бандит»³¹.

²⁸ АВПРИ, Ф. 139, Оп. 476, д. 131, 1864. Л. 46.

²⁹ Так назывались периодические издания, печатавшиеся нелегально во время восстания в Царстве Польском 1863 г.

³⁰ „Московские ведомости” 1863, № 181.

³¹ АВПРИ, Ф. 139, Оп. 476, д. 147, 1865. Л. 119.

Польская публицистика обвиняла российские газеты в формировании негативного образа Польши в Европе, особенно благодаря статьям Каткова. Оценка Россией происходящих событий в Польше была негативной для образа России не только в польской прессе, но и в зарубежной. Этот образ за рубежом формировался за счет корреспонденций из польских газет. «Московские ведомости» так реагировали на это: «Вот опять, как сообщил нам на днях телеграф, заговорили в иностранной печати о неперменном решении нашего правительства ввести Царство Польское в общий состав империи... Польские ли повстанцы распространяют их в Европе, в надежде снова вскипятить свое дело..? По-видимому, нигде известия эти не производят *такого никакого впечатления*, кроме как только в самой России <...> им остается уверять всех и каждого, что орган этой ультра-русской партии, *Московские ведомости*, своими мнениями подают повод к распространению тревожных слухов, вовлекающих русское правительство в затруднения. Сообщали же недавно из Петербурга в *Opinion Nationale*, что в *Московских ведомостях* напечатана статья, где рекомендуется отнять Галицию у Австрии?»³².

О периодической русской печати поляки отзывались следующим образом: «Московское правительство организовало банду писателей, чтобы оправдать свои преступления в Польше... Эта банда ведет открытую борьбу против польской нации, ее оружие – ложь...»³³.

Каткову отказывали в наличии элементарной логики, приводя такой аргумент: «Кто-то осмеливается говорить, что поляки устраивают беспорядки в Царстве Польском. Чтобы так думать, надо обладать логикой Каткова» (газета «Хасло»)»³⁴. По мнению «Газеты Народовой» тяжело найти в мировой журналистике явление более скверное, чем периодическая печать москалей.

Довольно часто польские газеты нападали на публикации в газете «Московские ведомости». Так например, «Дзенник Познаньский» цитирует статью из «Московских ведомостей» и спрашивает Каткова, почему он вообще осмеливается рассуждать о событиях в Царстве Польском³⁵. В России, по мнению «Газеты Народовой», нет другого публициста, кроме как Каткова³⁶.

«Глос Вольны», польская эмигрантская газета, выходявшая в Лондоне, опубликовала статью под заголовком «Демократия и национальность», в которой говорится о том, что во всей Европе, кроме Рима, преобладают

³² „Московские ведомости” 1865, № 46.

³³ АВПРИ, Ф. 139, Оп. 476, д. 149, 1865. Л. 62.

³⁴ АВПРИ, Ф. 139, Оп. 476, д. 149, 1865. Л. 185.

³⁵ АВПРИ, Ф. 139, Оп. 476, д. 174, 1867. Л. 134.

³⁶ АВПРИ, Ф. 139, Оп. 476, д. 149, 1865. Л. 194.

демократические идеи. Далее следует ироническая фраза: «Даже в Москве <...> разбивается стекло деспотизма. В Москве больше нет бояр, им на смену пришли Катковы и Милютины, фальсификаторы демократии и национализма»³⁷.

«Дзенник Познаньский», всегда отличавшийся обильной критикой в адрес России, не преминул напасть и на русскую журналистику, выбирая часто для антироссийских статей выдержки из наиболее крупных газет, как например «Санкт-Петербургские ведомости», по польскому вопросу в Литве. Точки зрения польской и российской прессы по положению дел в Литве кардинально расходились: польская пресса считала, что положение дел в Литве – исключительно польская проблема, не имеющая отношения к российской политике³⁸. «Час» постоянно вменял в вину Каткову фальсификацию термина «национализм», которым, по мнению польской прессы, он оперировал лишь в целях утверждения имперской политики России. «Катков будет совершенно прав только в том случае, если ответит, что злоупотребляя словом «национальность», он не сделал ничего, кроме как воспользовался разрешением и даже одобрениями свыше»³⁹.

«Дзенник Познаньский» публикует три колонки из русских газет, чтобы показать весь беспорядок, в котором находится русское общество. Он говорит по этому поводу, что в такой стране, как Россия, где правда скрыта с особой тщательностью, нужно уметь найти эту правду здесь, где она еще дает себя видеть в редких случаях»⁴⁰.

В газете «Ойчизна» в 1865 появляется таблица с подсчетом экстрадированных в Сибирь поляков. По данным редакции газеты было выслано порядка 105 400 человек с 1861 по 1865 гг., причем отмечено, что поляки все еще высылаются в Сибирь, в чем виноват генерал Муравьев [на полях архивной рукописи ежедневного отчета дипломата по польской прессе рядом с этим абзацем стоят пометки цензора в виде красных знаков вопроса. Можно предположить, что данная цифра вызвала недоумение у российских дипломатов]⁴¹.

Тема формирования пейоративного образа российских общественных и политических деятелей в польской прессе еще ждет своих исследователей. На наш взгляд, действия российского правительства и российская печать оказали заметное влияние на возникновение этого образа, ставшего затем собирательным образом русского народа с польской точки зрения.

³⁷ АВПРИ, Ф. 139, Оп. 476, д. 175, 1867. Л. 19.

³⁸ АВПРИ, Ф. 139, Оп. 476, д. 174, 1867. Л. 176.

³⁹ АВПРИ, Ф. 139, Оп. 476, д. 148, 1865. Л. 6.

⁴⁰ АВПРИ, Ф. 139, Оп. 476, д. 148, 1865. Л. 62.

⁴¹ АВПРИ, Ф. 139, Оп. 476, д. 149, 1865. Л. 81.

The State and Public Figures of the Russian Empire in the Optics of the Polish Press from the Second Half of the 19th Century. Case of M. Muravyov and M. Katkov

Considerable interest to determine the origin of the formation of a negative stereotype of Russia in the Polish social consciousness in the 19th century is represented by the ratio of Polish conservative and liberal-democratic periodicals describing the government of the Russian empire, its Council of Ministers and public figures. Activities of such men as A. Gorchakov, D. Milutin, F. Berg were subject to severe criticism. The Polish press showed particular hostility in relation to M. Muravyov and M. Katkov. Each word of these two prominent representatives of their times was sharply criticised. Their actions were valued by the Russian government, so it was concluded they did not like Poles. In the Polish press these two names were mentioned more often than other public figures. Every step of the Russian government, which Poles considered to be violent policy of „moskalization”, was explained with socio-political activity of Muraviev who was given a popular nickname of the „hangman”, and publicist Katkov was called in the Polish press as „obscurantism”. These two men were more or less equally responsible for forming a negative image of Russia and Russians in the Polish press. All the negative aspects inherent in the Muscovite cumulate in the persons of Muravyov and Katkov. The issue of building pejorative image of the Russian public and political figures in the Polish press is still waiting to be researched. In our view, the actions of the Russian government and Russian press had a marked influence on the appearance of the image, then became the collective image of the Russian people from the Polish point of view.